

УДК 811.11

А.В. ДЯДЬКИНА
(dyadkina.2015@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СВОЕОБРАЗИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В «МАЛЕНЬКОЙ ПЕЧАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ» В.П. НЕКРАСОВА*

Характеризуются главные герои «Маленькой печальной повести» В.П. Некрасова, образы которых помогают выявить своеобразие авторской позиции в повести писателя-реалиста.

Ключевые слова: *герой, прототип, характер, авторская позиция.*

В.П. Некрасов, творчество которого сегодня в полном объеме возвращается из русского зарубежья, хорошо знаком читателям по повести «В окопах Сталинграда» (1946). В начале 1970-х гг. изъятая из библиотек вследствие несогласия писателя-фронтовика предать забвению некоторые трагические страницы Великой Отечественной войны, она находит своих новых читателей на Родине. Полюбившиеся многим персонажи Некрасова скромны и неречисты, но они изо дня в день, «честь имея», выполняют свой воинский долг, плечом к плечу командиры и подчиненные [11, с. 20]. Писатель-реалист всегда скрупулезно продумывает характеры своих героев, понимая, что система персонажей – главный способ выражения авторской позиции, которая представляет собой «активное отношение к материалу, преобразование его в соответствии с пониманием действительности, ее проблем [2, с. 11]. На Родине и в эмиграции, где Некрасов вынужденно оказался в 70-е гг. XX в. из-за надуманных обвинений в «либеральных высказываниях и низкопоклонстве перед Западом» [9], он старался создавать образы героев, воплощающих само время. Вот и в «Маленькой печальной повести» (1985) действующие лица становятся обобщенным образом творческой интеллигенции начала 1980-х гг., близкой и хорошо знакомой автору.

Главные герои повести – три талантливых друга, прозванные *тремя мушкетерами* за неразлучность и нечто мушкетерское в их дружбе [9, с. 560]. Их судьбы связаны с различными видами искусства: балерун Сашка Куницын *преуспевал в Кировском*, Роман Крымов *на «Ленфильме, киноактером*, Ашот Никогосян *то тут, то там, но больше на эстраде, в шутку его называли «Синтетическим мальчиком» – пел, играл на гитаре, ловко подражал Марселю Марсо* [Там же, с. 561]. И внешне каждый из героев чем-то выделялся: *золотоволосый кудрявый Сашка покорял всех девчонок с четырнадцати лет – не только вихрями своего танца, белозубой улыбкой, томным взглядом и вдруг вспыхивавшими глазами, но и всей своей ладностью, изяществом, умением быть обворожительным* [Там же, с. 562], *Ашот красотой и дивным сложением не отличался – он был невысок, длиннорук, излишне широкоплеч, – но, когда начинал с увлечением что-то рассказывать, попыхивая своей трубочкой, или изображать, врожденная артистичность, пластика делали его вдруг красивым* [Там же, с. 562–563]. Роман, *полурусских, полужеврейских кровей, <...> был горбонос, лопух, ростом даже чуть пониже Ашота. Язвитель и остер на язык, <...> остроты его, роняемые как бы невзначай, без нажима, могли сразить наповал, <...> его поэтому малость побаивались. На экране он был смешон, часто и трагичен. В нем было нечто чаплинское* [Там же, с. 563]. При всей индивидуальности каждого этих троих объединял поиск ответа на один *проклятый вопрос – как противостоять давящим на тебя со всех сторон догмам, тупости, однолинейности* [Там же, с. 562]. Молодые герои некрасовской повести, представляющие обобщенный образ отечественной интеллигенции застойных лет, наполнены желанием обрести свободу, *найти какую-то лазейку в руинах, тропинку в засасывающем болоте <...> и добиться успеха.* [Там же, с. 562]

Автор «преднаходит» (М.М.Бахтин) этих героев в своем ближайшем окружении, вот почему они столь яркие и убедительны. Прототипом Сашки Куницына является Михаил Барышников, советский и американский артист балета, балетмейстер, актер, который в 1974-м г. «становится «невозвращен-

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

цем», <...>во время гастролей в составе труппы Большого театра в Канаде он получает приглашение в труппу «Американского театра балета» и «не колеблется» в выборе [1]. Сашка у Некрасова страстно стремится найти свой путь, *на котором, добившись чего-то, желательным было оставаться на выси* [9, с. 561–562], и добровольно выбирает побег из родного дома, оставляя не только Родину, но и свою одинокую маму.

Образ Ашота Никогосяна, наиболее близкий самому автору, по-видимому, создавался под влиянием знакомства Некрасова с Анатолием Шагиняном. Это актер, окончивший актерский факультет Ленинградского театрального института, чтец, звукооператор, продюсер парижского отделения радио «Свободы», где неоднократно выступал сам писатель. Не случайно и в повести Ашот работал «на Ленфильме», «но больше на эстраде» [Там же, с. 561]. Стоит учесть: Анатолий Шагинян как звукооператор «был придиричив и неподкупен: никаких поблажек, речь вещавшего должна быть плавной, дикция четкой. <...> В перерывах Толя становился блистательным и неуправляемым говоруном. Кроме того, он был душой артистической» [7, с. 390], подобной той, что дана некрасовскому Ашоту, наделенному *врожденной артистичностью», речь которого «состояла из ловкого сочетания слов и жестов, <...> глядя на него, слушая его, не хотелось перебивать, как не перебивают арию в хорошем исполнении* [9, с. 563].

Художественная одаренность сочетается в Ашоте с принципиальностью, вот почему он осуждает эгоистичность Сашки, сосредоточенного исключительно на себе и своем даровании. Особенно отчетливо это проявится позднее, во время встречи с ним в Париже. Дело в том, что, спустя некоторое время после Сашкиного отъезда, семья Никогосянов (Ашот, Рануш Акоповна и Анриетт) получает официальное разрешение на выезд в Париж, причиной чему стала возлюбленная Ашота – Анриетт, француженка по происхождению, которая не вписывалась в рамки *сложной, с преодолением бесчисленных препятствий* жизни [9, с. 584] в нашей стране. Не случайно встреча друзей проходит в парижском зале «Мютюалитэ», где *когда-то с успехом выступал Окуджава* [Там же, с. 589]. Необходимо обратить особое внимание на эту характеристику места действия: для Некрасова вне дома само упоминание имен друзей доставляло радость. Он не раз подчеркивал превосходство таланта Булата Окуджавы: «Он лучше! Я никогда не дотягивался, как Булат, до исторических романов!» (цит. по [7, с. 139–144]). В. Кондырев имеет основание настаивать: «некрасовская проза <...> по плавности и изяществу напоминает стиль прозы и даже песен Окуджавы. <...>Оба они прекрасным языком, по-человечески рассказывали и об обыденном, и о необыкновенном, и даже о вещах невероятных<...>. Оба писали о войне, о друзьях, о надеждах» [Там же]. В «Маленькой печальной повести» блистательное выступление Александра Кунницына проходит именно в зале «Мютюалитэ», с которым у Некрасова связаны глубокие воспоминания и об Окуджаве, и о правозащитном движении советских лет. В своем радиовыступлении «О задаче русского писателя за границей» в 1974 г. он рассказывал о митинге, посвященном своему близкому другу Леониду Плющу, который в тот период находился в Днепропетровской психушке: «когда я увидел в зале Мютюалитэ, в Париже, в одном из самых больших залов, увидел этот зал, заполненный до самого верха, когда я увидел <...>эту массу людей, которая слушала выступавших в защиту Плюща, я могу сказать – у меня наворачивались слезы. <...> А митинг кончился “Интернационалом”. Не симптоматично ли это, не важно ли это <...> всем тем, кому дорога свобода...» [8], при чем свобода не для себя – для всех. Так вот и в «Маленькой печальной повести» внутри Ашота в этом же зале «Мютюалитэ» борются смешанные чувства: и восхищение Сашкиным триумфом: *полеты, взлеты, перелеты. <...> После каждого фюэте <...>зал раскалывался от аплодисментов. Красив, изящен, легок, горяч, порывист* [9, с. 581], и мысли об испытании славой баловней судьбы, и о тех, кто по праву славу заслужил, но при жизни был гоним и не дождался общественного признания.

Позднее он сформулирует свои мысли о «беглеце» Сашке: *человек, который <...>ни одного из писанных законов не нарушил, <...>который, напротив, талант свой, талант своего народа подарил всему миру.<...> И в чем я его обвиняю? Я обвиняю его в одном из тяжчайших преступлений перед человечеством. Он выключил свою память. Он забыл и попрал самое святое и возвышенное, что есть в жизни, – дружбу* [Там же, с. 617–618], главную, по Некрасову, жизненную ценность.

Для Ашота и Ромки эта ценность всегда сохраняет свою значимость. Судьба Романа Крымова во многом повторяет тернистый путь Р. Быкова, советского актера, кинорежиссера и сценариста, которого бывший председатель Госкино СССР В. Баскаков называл «героем запрещенных картин». «Долгие годы томились «на полке» лучшие роли Быкова в «Комиссаре» А. Аскольдова», снимавшемся в 1967 г. В начале 1980-х, которые воспроизводит в своей повести Некрасов, Р. Быков все еще оставался заслуженным артистом СССР, хотя «на встречах его давно объявляли народным, ведь это звание имели мастера, сделавшие во много раз меньше, и он испытывал неудобство за людей, объявлявших его, и за себя, потому что всегда поправлял и уточнял свое звание» [3, с. 490]. А вот 1985 г. прошел для Быкова «под знаком “Чучела”. Не поступившись ни кадром, отстояв две серии, преодолев все идеологические препоны, Быков выпустил свое детище на экран» [Там же, с. 489]. Решительное и утверждающее «“Нельзя бежать! Никогда, никогда. Даже, если тебя гонят, если тебя бьют. Никогда нельзя бежать!” – слова не только рыдающей Лены Бессольцевой в фильме “Чучело”, но и «позиция Быкова» [Там же, с. 489]. Он и не пытается бежать, как и Ромка Некрасова, выбирая самую надежную «безупорную духовность» (Л. Аннинский): Ролан Быков «жил с Богом в душе», в его ролях и фильмах «есть божья благодать, есть свет» [12], несмотря на драматичность конфликтов, испытывающих героев на прочность. Р. Быкову принадлежит поэтическое признание:

*Но не забыл Россию Бог!
Она еще богата, да
И глупости, и мудрости-полно всего.
Ох, трудно жить на Родине,
Ох, трудно жить, ребята!
Ох трудно, но не более того [2, с. 646–647].*

Очевидно, Некрасов ценил в Ролане Быкове это личностное и режиссерское упрямство. По-видимому, ценил его и как поэта. В журнале «Юность» (№ 4 1994) были опубликованы некоторые стихотворения Р. Быкова. Состояние лирического героя в одном из них во многом напоминает монолог отчаявшегося Романа из «Маленькой печальной повести», осознающего невозможность творческой самореализации, да и просто свободной жизни на Родине. Зарубежная встреча Ашота и Ромки во время приезда второго на Каннский фестиваль от Союза кинематографистов в качестве *консультанта, не консультанта, Бог его знает...* [9, с. 606] оставляет в памяти Ашота такое определение свободы «по Ромке», которое в то время могли бы разделить многие соотечественники: *парторганизации нет, раз, месткома нет, два. Самой прогрессивной общественности и собраний – три. <...> А ты? Свободный человек на свободной земле* [Там же, с. 612]. Роман произносит эти слова, то ли поддерживая и оправдывая друга, то ли успокаивая и смиряя себя, как часто делал в реальной жизни его прототип. Р. Быков писал:

*Я Бога моего прошу
Простить меня за то,
Что радость я свою ношу
Отдельно, как пальто.
Ее приходится снимать
На время иногда,
Чтоб не испачкать и не смять,
Когда придет беда.
Но чтоб не стать мне дураком,
Пусть даже счастье! Пусть!
Ношу под радостью тайком,
Как душегрейку, грусть! [4, с. 18]*

Грусть эта в немалой степени объясняется невозможностью сыграть «мечтанную» роль. С 28 на 29 декабря 1987 г. Р. Быков пишет в своей «Черной тетради. 1986–1988»: «Как скучны стали мои записи. Как истомилась душа моя без моей главной работы! Если бы я до конца верил, что что-то изменится. Не верю я, все останется также» [3, с. 603]. В 2009 г. в журнале «Октябрь» была опубликована «Маленькая коричневая тетрадь. 1959–1960» Е. Санаевой – о днях, когда снимались сцены гоголевской «Шинели» с Р.Быковым в главной роли Акакия Акакиевича Башмачкина. Она пишет: «С девяти лет Ролан Быков занимался в театральной студии при городском Доме пионеров. Как-то на дне рождения одного из “гордомовцев”, а было им по четырнадцать, Ролан, уходя, взял под мышку книжку и сказал: “Когда-нибудь я это сыграю”. Это была “Шинель”. И вот в 1958 г., в неполные тридцать лет, он получил заветную роль в экранизации произведения любимейшего автора» [13], но мечта так и осталась мечтой. Трагедию несыгранной роли переживает и Роман в повести Некрасова.

Из дружеской тройки именно Романа автор делает реалистом с более взвешенными суждениями, чем можно ожидать от пылкого, эмоционального Ашота и Сашки, плененного собственной славой. Так Роман говорит: *Мама там или не мама, но Сашка, ты же знаешь – «желаю славы я»! Желает. И будет она у него. <...> Жаль, конечно, но купили Сашку. – И с грустью: – И останусь я совсем один. Ты со своей парижанкой тоже ведь укачишь». Роман осуждает Сашкино упоение славой, но согласен: «правильно Сашка поступил. В этом мире жить нельзя [9, с. 574].*

Ашот тоже рад признанию верного друга, разрушившего мучительные сомнения: *тебя хотел увидеть. И увидел! Живым, здоровым, ворчливым, недовольным, но – свободным! Понял! Свободным!* [Там же, с. 612]. Так-то оно так, но каждый «плюс» в заграничной жизни, который находил Роман, обрывается на полуслове. Его фразы недоговорены. За многоточиями в его речи скрывается внутреннее несогласие с выбором друзей, которое не оправдывается ни отсутствием парторганизаций, ни беспрепятственной поездкой на Мадагаскар, ни чем другим. Роман представлен большим художником, обладающим чувством внутренней свободы и бескомпромиссности: ему удалось сохранить талант и чувство собственного достоинства в несвободной стране, не замыкаясь на собственной исключительности. Это его Некрасов наделяет способностью не только трезво оценить выбор своих друзей, но и в каком-то смысле выбор самого автора, который добровольно покинул нашу страну, эмигрировав в 1970-е гг. во Францию. В Ромкиной внутренней свободе есть то, чему завидует сам автор: тот стоически переносит все испытания на Родине, пусть несвободной, пусть несправедливой, пусть горькой, но с Адмиралтейской иглой, с домами на Мойке, с Черной речкой.

Виктор Некрасов судьбами героев своей повести показывает читателю три варианта творческой самореализации одаренной личности, за успешность которой отвечают талант, свобода выбора, дом и друзья. Но к сожалению, подводя итог, автор не может *разобраться в том, кто из этой тройки выиграл, кто проиграл, кому повезло, кто из них, в конце концов, оказался победителем в битве за жизнь, свободу, правду* [Там же, с. 631]. Вот талантливый балерун, безоглядно покинувший родной дом и друзей, «ни с того ни с сего» вспоминает: *откуда-то из глубины ночь на Неве. <...> Шли откуда-то, <...> занесло их почему-то на бондарчуковскую «Войну и мир». <...> Аустерлицы, балы, люстры, может быть, и многовато, но Кторов – старик Болконский – и Петя Ростов <...> запомнились, врезались в память* [Там же, с. 628]. Воспоминания постоянно тревожат душу Сашки, он часто с тревогой думает о матери, о подробном письме для нее, которое так и не написал. Сделал ли счастливым Сашку его талант, оставив без Родины и друзей? Нет, точнее, этим он несчастлив более других. Ашот Никогосян тоже талантлив, но он – «душа нараспашку», открыт для общения, всегда рад дружеским встречам, хотя вдали от дома, без «мушкетерской» команды ему тоже сложно, тревожно живется: за граница – не Родина, как себя ни убеждай, что был прав, когда-то уезжая раз и навсегда.

А третий из «мушкетеров», Ромка, один из всех имеет возможность жить и творить на родной земле, но он глубоко несчастен без друзей и той свободы творческой самореализации, которая как свежий воздух нужна художнику. Он, как и его прототип, «зрячий был человек и предпочитал любить свою

страну зрячими глазами. А это значит видеть ее пороки, изъяны, видеть их в себе и других. И в государстве тоже» [12]. Но вот уехать не смог, не захотел, не планировал...

«Маленькая печальная повесть» показывает, как «полдо, преступно, больно и обидно рушатся самые ценные вещи на земле, самое дорогое, что есть у человека, из-за эмиграции» [6]. Сам автор почувствовал это на себе: *Мне нужна свобода, и тут я ее обрел. Скучаю ли я по дому, по прошлому? Да, скучаю. И очень* [9, с. 631]. Хотя вне родины талантливому писателю удалось в полной мере творчески самореализоваться, глубокая печаль не покидала его ни на мгновение. «Шли годы, и процесс разобщенности людей увеличивался. Это стало хронической болезнью и находилось в прямой связи с увеличивавшимися репрессиями» [10, с. 227–236]. Так вот «Маленькая печальная повесть», подобно структуре айсберга, под названием прячет большую печаль талантливого человека, и за границей чувствующего себя русским писателем.

Литература

1. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL : http://www.spb.aif.ru/culture/person/znamenituy_nevozvrashchenec_udivitelnaya_sudba_tancora_mihaila_baryshnikova.
2. Буланов А.М. Авторский идеал и его воплощение в русской литературе второй половины XIX в.: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С.Серафимовича, 1989.
3. Быков Р.Я. Побит начну сначала!: дневники. М. : Астрель, АСТ, 2010.
4. Быков Р. Стихи // Юность. 1994. №4
5. Верный солдат Виктор Некрасов [Электронный ресурс]. URL : <http://www.svoboda.org/a/24232994.html>.
6. Виктор Некрасов: к 20-летию со дня смерти. Радио свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/a/410108.html>.
7. Кондырев В. Все на свете, кроме шила и гвоздя. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове. Киев–Париж. 1972–87 гг. М.: Астрель, АСТ, 2011.
8. Некрасов В. О задаче русского писателя за границей. Радиовыступление. 1975. 8 дек. [Электронный ресурс]. URL : <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-O-zadachax-russkogo-pisatelja-zagranicey.aspx>.
9. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. М.: Эксмо, 2013.
10. Озеров Л. Терпенье – мужская работа // О Викторе Некрасове. Воспоминания (Человек, воин, писатель)». К.: Украинський письменник. 1992, С. 227–236.
11. Перевалова С.В. Оказывается, война не завершается победой... : «лейтенантская проза» о «юности командиров» // Литература в школе. 2015. №10. С.18–22.
12. Ролан Быков. Маленькая коричневая тетрадь. Вступление и публикация Елены Санаевой [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/11/by8.html>.
13. Ролан Быков: Я жить хочу, но это очень трудно [Электронный ресурс]. URL : <https://rg.ru/2004/11/12/bykov.html>.

DYADKINA A.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ORIGINALITY OF THE AUTHOR'S POSITION IN «THE LITTLE TRAGIC STORY» BY V.P. NEKRASOV

«The little tragic story» written by V. P. Nekrasov in Paris is devoted to the Russian artistic intelligentsia of 1980 years and manifests the author's opinion on the problem «life and art» through the characters of his heroes which are analyzed in this work.

Key words: *the hero, prototype, character, author's position.*